

The Image of the Violator of Ethno-Cultural and Ethno-Racial Identity Borders as Reflected by Xenopejorative Lexemes of the English and Russian Languages

Evghenii V. Romanin

Saint Petersburg State University. Saint Petersburg, Russia. Email: [st027419\[at\]student.spbu.ru](mailto:st027419[at]student.spbu.ru)

Received: 8 June 2022 | Revised: 29 August 2022 | Accepted: 10 September 2022

Abstract

The article examines how English and Russian speakers perceive going beyond the boundaries of ethno-cultural and ethno-racial identity, specifically in relation to pejorative vocabulary related to the conceptual field of hybrid identity, which includes pejorative names for subjects and results of hybridization. The study used the online Racial Slur Database (rsbd.org) as the source of English-language material, while the Russian-language material was collected empirically due to the lack of a corresponding database on the World Wide Web.

The article attempts to identify the main models for naming subjects and results of hybridization in order to compare the image of this phenomenon in the English and Russian collective worldviews, and to understand the origins of a negative attitude towards violators of the boundaries between “Own” and “Alien”.

The study concludes that while there are some similar models used in constructing pejoratively marked vocabulary of this kind, there is also a significant difference between the schemes for constructing such names in the analyzed languages. Finally, the article attempts to understand the linguistic, historical, and cultural reasons for the quantitative disproportion between the English and Russian xenopejorative lexical fund belonging to the conceptual field of hybrid identity.

Keywords

Own; Alien; Hybrid Identity; Transgression; Pejorative Vocabulary; Ethnos; Race; Culture; English Language; Russian Language

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Образ нарушителя границ этнокультурной и этнорасовой идентичности в зеркале ксенопейоративных лексем английского и русского языков

Романин Евгений Владимирович

Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.
 Email: [st027419\[at\]student.spbu.ru](mailto:st027419@student.spbu.ru)

Рукопись получена: 8 июня 2022 | Пересмотрена: 29 августа 2022 | Принята: 10 сентября 2022

Аннотация

В данной статье исследуется проблема восприятия выхода за пределы границ этнокультурной и этнорасовой идентичности в картине мира носителей английского и русского языка на материале пейоративной лексики, имеющей отношение к концептуальному полю гибридной идентичности, а именно – уничижительных наименований для субъектов и результатов гибридизации. Источником англоязычного материала послужила онлайн-база данных расовых оскорблений (rsbd.org), русскоязычный же материал ввиду отсутствия базы данных такого рода в соответствующем сегменте всемирной сети собирался эмпирическим путём. Предпринимается попытка вывести основные модели наименования субъектов и результатов гибридизации с тем, чтобы сравнить образ этого феномена в английском и русском коллективном мировосприятии и разобраться в истоках отрицательного отношения к нарушителям границ между «своим» и «чужим». Делается вывод о наличии как некоторых сходных моделей, по которым строится пейоративно маркированная лексика такого рода (например, в обоих языках присутствует языковая модель и дегуманизация алиментарного типа), так и существенной разнице между схемами построения подобных наименований в анализируемых языках (например, наиболее частым способом образования ксенопейоративов в английском языке оказывается словослияние, иконически указывающее на факт гибридизации, не применяющееся для этой цели в русском). В заключении делается попытка разобраться в языковых, исторических и культурных причинах количественной диспропорции между английским и русским ксенопейоративным лексическим фондом, относящимся к концептуальному полю гибридной идентичности.

Ключевые слова

своё; чужое; гибридная идентичность; трансгрессия; пейоративная лексика; этнос; раса; культура; английский язык; русский язык

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

В условиях глобализации и интенсивной межкультурной коммуникации всё бóльшую актуальность для социогуманитарных наук вообще и для культурологии в частности приобретает изучение проблем гибридной идентичности, вопросов смешения этносов, рас, культур и конфессий. Понятие транскультурации даже претендует на статус эпистемы новой эпохи (см., например, Тлостанова, 2006). С ксенологической точки зрения эти явления интересны тем, что находятся на стыке концептов «своего» и «чужого», изучение же их способно пролить свет на некоторые аспекты данной дихотомии, важнейшей для понимания сущности какой-либо идентичности как культурного феномена. Вопросами дихотомии «свой — чужой» как одного из столпов идентичности занимались такие зарубежные и отечественные специалисты, как Г. Зиммель, Э. Гуссерль, Ж.-П. Сартр, К. Леви-Стросс, М. Хайдеггер, М. Бубер, Ж. Деррида, Э. Левинас, Ж. Лакан, Б. Вальденфельс, П. Рикёр, М. Фуко, Э. Саид, Ч. Спивак, Э. Янг, Х. Бхабха, Вяч.Вс. Иванов и В.Н. Топоров, Ю.М. Лотман, Ю.С. Степанов, А.Б. Пеньковский, В.Г. Лысенко и многие другие. Проблемы гибридной идентичности изучали П. Бёрк, Р. Янг, М.В. Тлостанова, С.П. Толкачёв, Е.В. Хлыщёва, С.Н. Якушенков, О.С. Якушенкова и так далее, однако утверждать, что тема исчерпана, решительно невозможно.

Объект настоящего исследования — пейоративная лексика концептуального поля «чужое» в английском и русском языках, касающаяся семантического поля «выход за пределы этнорасовых и этнокультурных границ» (или — следуя терминологическому аппарату неклассической философии — «трансгрессия»: см. Батай, 2003). Известно, что в английском языке (в частности, в его американском варианте) сложилось множество пейоративов со значением нарушения границ идентичности. Они могут применяться как в адрес лиц, вступающих в межрасовые либо межэтнические связи, и метисов (потомков этих браков), так и тех, кто ведёт себя, так сказать, не в соответствии с идеальным образом носителя конкретной идентичности, перенимая образ жизни, привычки и поведение других народов. Большой интерес для ксенологических исследований представляет изучение подобной лексики, сравнение особенностей её употребления и моделей, по которым строится такой вокабулярий в различных языках, поэтому в качестве объекта для сравнения мы избрали лексику того же концептуального поля, существующую в русском языке. Вопросы ксенофобной пейоративной лексики разбирали многие специалисты — А. Робак, И.Л. Аллен, Э.Э. Эрикссон, В.И. Карасик, Т.А. Цебровская, А.С. Архипова, А.И. Грищенко, Н.А. Николина, Я. Довгопольный и так далее, однако проблема трансгрессии с точки зрения её отражения в экспрессивном лексиконе, насколько нам известно, специалистами ещё не рассматривалась. Таким образом, предмет настоящего исследования — модели, по которым строится внутренняя форма подобных уничижительных наименований, целью

же является сравнительный анализ ксенопейоративов данного поля в английском и русском языках, выведение общих и частных особенностей и на этом основании — обнаружение общих и частных черт в образе «нарушителя границ идентичности» в картине мира носителей английского и русского языков и попытка разобраться в культурных корнях явления (термин «ксенопейоратив» — сокращённо КП — в данном исследовании применяется как обобщающий для этнических, расовых, культурных и прочих пейоративов).

История вопроса

Осуждение расового смешения уходит корнями в XIX век, времена колониализма и господства расовой модели оппозиции «свой — чужой» (подробнее о моделях см. Лысенко, 2009). Европа, захватившая множество азиатских, африканских и других стран и превратившая их в свои владения и рынки сбыта товаров, остро нуждалась в теоретическом обосновании своего права на порабощение местных жителей, что, конечно же, шло вразрез с представлениями о гуманизме, — поэтому идея об изначальном биологическом неравенстве рас пришлась очень кстати. Один из теоретиков учения о неравноценности рас, Ж.А. де Гобино, строивший свои теории на идее линейной связи между биологическими и социокультурными различиями, особенно рьяно протестовал против межрасовых браков, которые, по его мнению, ведут к вырождению:

«Итак, я считаю, что слово “вырождение” применительно к народу должно означать и означает, что этот народ уже не имеет тех качеств, которые имел прежде, т. к. в его жилах течёт другая кровь. Скажем по-другому: сохранив прежнее имя, он не сохранил расу, к которой принадлежали его основатели; наконец, человек упадка, называемый “выродившимся” человеком, есть продукт, отличающийся с этнической точки зрения от героев великих эпох. [...] Он вымрет окончательно, а вместе с ним и его цивилизация. Это произойдёт, когда первородный этнический элемент окажется настолько разбавленным примесью чужих рас, что виртуальность этого элемента уже не имеет существенного значения. Разумеется, нация не исчезнет в физическом или абсолютном смысле, но практически ослабнет до такой степени, что вырождение можно считать завершённым со всеми его признаками» (Гобино, 1885, с. 14).

У «диких» народов, по словам Гобино, отсутствует инстинкт расового отвращения — именно поэтому они бесконтрольно скрещиваются с соседями, и именно в этом коренится их неспособность к техническому и социальному прогрессу; таким образом, культурные различия, оппозиция между дикостью и цивилизацией также напрямую связывались с понятием расы.

Схожие идеи высказывал другой теоретик научного расизма — Г. Лебон. По его мнению, каждая раса обладает набором присущих лишь ей ментальных способностей, смешение же приводит к порче психологических качеств высшей расы; по этой причине европейцам следует сохранять глубокую сегрегацию между собой и покорёнными народами (Шевченко, 2013).

Идеи о пагубности расовой гибридизации развивались в научной среде вплоть до середины XX века — до того, как были окончательно дискредитированы политикой гитлеровской Германии (в результате чего в западной академической традиции вообще некоторое время было не принято говорить о расах). Однако в обыденном сознании ещё долго сохранялась мысль о недопустимости расового смешения.

Тему культурной гибридизации ещё во второй половине XIX в. труде «Россия и Европа» поднял Н.Я. Данилевский. Он полагал эту форму взаимодействия одной из самых неблагоприятных для собственной культуры. Поскольку, согласно Данилевскому, высшая ценность любой культуры состоит в её самобытности — «каждый культурно-исторический тип привносит в мировую цивилизацию нечто своё, особенное, несвойственное другим типам, и тем самым, с одной стороны, достигает вершины своего собственного развития, а с другой — увеличивает богатство мировой цивилизации» (Кузнецов, 2011, с. 350), — то эту самобытность следует беречь от внешнего воздействия. Комплексы заимствованных элементов (сам Данилевский, развивая биологическую аналогию, называл их «ветвями») способны привести в итоге к размыванию своих культурных шаблонов и утрате своеобразия (Усовская, 2020, с. 48). Термина «глобализация» во времена Данилевского ещё не существовало, но это не мешало учёному выступать в роли её яркого противника: «История отдельных народов, национальностей в их своеобразии — вот предмет всемирной истории. Смешение национальных культур в единую культуру противоестественно для человечества» (Данильченко-Данилевская, 2008, с. 715).

Гораздо позже некоторым образом схожие идеи высказывал и Л.Н. Гумилёв в рамках своей пассионарной теории этногенеза, когда писал о химерах, хотя понятием расы он уже не оперировал. Химера, согласно Гумилёву, есть «форма контакта несовместимых этносов разных суперэтнических систем, при которой исчезает их своеобразие. Выросшие в зоне контакта люди не принадлежат ни к одному из контактирующих суперэтносов, каждый из которых отличается оригинальным этническими традициями и ментальностью» (Мичурин, 1993). У людей, лишённых этничности, якобы теряются необходимые адаптивные навыки, разрывается связь с «кормящим ландшафтом», что ведёт к нарастанию энтропии в системе и кровопролитным конфликтам. Как видим, и здесь прослеживается идея о губительной сущности этнических контактов — правда, не всех, а только между несовместимыми этносами, сущность же этой несовместимости кроется во взаимоисключающем стереотипе поведения («система поведенческих навыков, передаваемых из поколения в поколение путем сигнальной наследственности, специфичная для каждого этнического коллектива»). Справедливости ради, Л.Н. Гумилёв выделяет также нейтральный (ксению) и положительный (симбиоз) вариант этнического контакта, а также — отдельной категорией — слияние представителей

различных этнических субстратов в новую общность в результате пассионарного толчка; но на практике определить, какой вариант контакта перед нами, в момент самого контакта, пользуясь методологией Гумилёва, невозможно — то есть потенциально любой контакт может привести к образованию «химеры». Из этого проистекает, что к любому межэтническому контакту следует относиться с настороженностью.

Наконец, в середине второй половины XX века — после того, как бывшие колонии и зависимые территории получают свободу, — на сцену выходит постколониальная теория с концепцией привилегии и рассмотрением межрасового, межэтнического и межкультурного смешения в терминах доминирования и подчинения. Заимствование какого-либо элемента у «подчинённой» культуры, будь то национальное блюдо, предмет одежды или обычай, интерпретируется как попытка ассимилировать её, лишить её своеобразия. Особое внимание при этом уделяется половым отношениям. Согласно М. Фуко, секс — один из главных факторов, определяющих наши властные возможности (Фуко, 1996). Как бы субъект трансгрессии ни презирал «чужого», однако и в вопросах сексуальности он стремится занять его место, вобрав в себя его самого или его женщин. Возможность сексуальной трансгрессии позволяет выйти за рамки своей традиционной культуры, ограниченной множественными нормами и моральными принципами. Исходя из этого, половой контакт с «чужим» осмысливается как своего рода апроприация: субъект межэтнической или межрасовой связи в прямом смысле овладевает объектом («чужим»). Если сексуальные пристрастия «чужого» совпадают с нашими собственными — он представляет собой угрозу и потенциального конкурента, если не совпадают — он рассматривается как девиант (извращенец) и получает более низкое место в социальной иерархии (Якушенкова, 2014, с. 143). Таким образом, здесь фокус смещается: гибридизация объявляется негативным явлением уже потому, что в ходе метисации привилегированная группа якобы стремится ассимилировать, растворить в себе подчинённую (правда, лишь в случае неравного положения групп — однако при желании неравенство можно обнаружить где угодно). Словом, какая бы ни господствовала в социогуманитарных науках парадигма, неизменно найдётся какая-нибудь причина для того, чтобы разглядеть в акте межэтнического и межкультурного обмена что-то предосудительное. Это сказывается и на отношении общества к её субъектам.

Расоцентризм в США как причина повышенного внимания к проблеме идентичности

По словам Т.А. Цебровской, «подобно этноцентризму, расоцентризм — естественное явление, обусловленное социально-экономическими и культурными условиями. Он является т.н. коллективным внутрирасовым защитным средством сохранения самобытности. Будучи малоизученным продуктом

коллективного сознания, механизм действия расоцентризма видится объектом дальнейшего междисциплинарного осмысления с привлечением специалистов в области психологии, социологии, культурологии, языкознания» (Цебровская, 2017). Этно- и расоцентризм, полагает Цебровская, выступают мощными факторами противопоставления этнорасовых общностей и конкурентной борьбы за первенство в рамках дихотомии «своего» и «чужого». Как следствие противопоставления этносов и рас по критерию «свой – чужой», этот элемент американского мировосприятия влияет на речевое поведение и отражает высокий уровень нетерпимости к пришельцам извне.

Значение английского слова *race*, по данным Оксфордского расширенного словаря американского варианта английского языка, несколько шире русского. Помимо омонимичных значений 1. гонка, спешка, 2. состязание и 3. скачки, не относящихся к сути настоящего исследования, круг его толкований охватывает:

- 4) одна из главных групп, на которые можно разделить людей сообразно с их физическими различиями, например, с цветом кожи;
- 5) группа людей, которая разделяет один и тот же язык, историю, культуру и так далее;
- 6) порода или тип животного либо растения (Oxford Advanced American Dictionary).

Из всех этих значений в русском языке существует лишь значение №4 и отчасти – №6:

раса I ж. Исторически сложившаяся группа человечества (европеоидная, негроидная, монголоидная), объединенная общностью происхождения и общностью наследственных физических признаков: цветом кожи и волос, разрезом глаз, формой черепа и т.п. (в антропологии).

II ж. Совокупность особей внутри ареала, вида или подвида, отличающихся общими биологическими особенностями и связанных общим происхождением и районом распространения (в зоологии, ботанике) (Ефремова).

Из этой широты значения частично вытекает то, что концепт *race* приобрёл столь ключевое положение в картине мира носителей американского варианта английского языка, а также то, что на ресурсе The Racial Slurs Database (rsdb.org – букв. «База данных расовых оскорблений»), который стал основным источником материала для нашего исследования, собраны также пейоративные обозначения этносов, культур и даже религий (в частности, мусульман). Мы переводим *race* в зависимости от контекста как «раса», «этнос» и «культурная принадлежность», что вынуждает нас прибегать к таким громоздким формулировкам, как «границы этнокультурной и этнорасовой идентичности», фигурирующие в заголовке статьи.

Методология исследования

Первым шагом стал поиск и отбор уничижительной лексики, имеющей отношение к полю «гибридной идентичности». В случае английского языка источником послужил упоминавшийся ранее портал rsdb.org; пояснения внутренней формы в большинстве случаев брались оттуда же. В случае русского поиск производился эмпирическим путём — в неспециализированных словарях жаргона и сленга (например, «Толковом словаре русского арго» В.С. Елистратова и открытом словаре молодёжного сленга slang.su), а также непосредственно в живом употреблении в интернет-пространстве.

По выделении из лексического фонда указанных языков ксенопейоративный лексикон был произведён анализ заложенных в неё смыслов на основании учения А.А. Потебни о внутренней форме — о том, что строение слова свидетельствует о ходе мысли того, кто его породил, а, следовательно, позволяет судить о его мировоззрении (Потебня, 1989).

Следующим шагом методологии стало разбиение ксенопейоративов на семантические группы с точки зрения их внутренней формы. Отечественным исследователем С.Н. Якушенковым была предложена, а О.С. Якушеновой — детально разработана концепция трёхчастной модели образа «чужого», согласно которой тремя главнейшими составляющими или же гранями отражения «чужака» (маркёрами чуждости) в картине мира следует считать пищевые пристрастия «чужого», способ одежды «чужого» и особенности половой жизни и брачного поведения «чужого» (Якушенко, 2014). Все эти стороны дела, конечно же, важны, но нам такая модель представляется структурно неполной: нетрудно заметить, что перечисленные О.С. Якушеновой параметры можно описать одним словом — поведение, тогда как даже из самой её работы видно, что для создания образа «чужака» не менее важными являются телесность и языковая характеристика.

Поэтому мы приняли решение дополнить и расширить данную трёхчастную модель и на основании того, какой именно признак положен в основу мотивировки ксенопейоратива, разбить материал на:

- телесные (с подмоделями «внешность» и «дегуманизация», причем последняя подмодель также разбивается на несколько более мелких в зависимости от того, кому или чему уподобляется референт);
- языковые (с подмоделями «фонетика», «лексика» и «ономастика»);
- поведенческие (с подмоделями «алиментарность», «вестиментарность», «сексуальность» и «другое» — в категорию «другое» включаются все прочие особенности поведения: способы ведения хозяйства, архитектура, традиционные занятия, нравственные характеристики, не связанные с вопросами сексуальности и т.д.).

Практический этап, впрочем, показал, что и этих моделей недостаточно для полноценного анализа, по этой причине были введены следующие модели:

- гетеротопическая, связанная с идеей принадлежности «чужака» иному пространству, и выделенная В.Г. Лысенко (2009);
- прецедентная (связанная с прецедентными феноменами различного рода, в частности, с историческим опытом взаимодействия с представителями «чужой» группы, со значимыми произведениями художественной культуры и т.д.);
- недифференцированная (мотивирующий признак невозможно выделить из-за затемнённости внутренней формы либо нерасчленённо-отрицательной оценочности, выраженной грамматически — чаще всего при помощи экспрессивного суффикса).

Также по результатам исследования некоторые словообразовательные схемы, на первый взгляд, имеющие отношение только к плану выражения, выделились в отдельные семантические, т.е. содержательные, модели, поскольку нам представляется, что здесь они обладают свойствами иконического знака (далее это будет продемонстрировано на конкретных примерах).

Результаты исследования

По данным Базы данных расовых оскорблений (rsdb.org), в английском языке насчитывается 67 пейоративных лексем со значением «тот, кто мешает свою расу/этнос с другой либо перенимает чужую культуру», т.е. субъект, совершающий выход за пределы этнокультурных или расовых границ и 125 лексем со значением «результат подобного выхода», т.е. этнорасового смешения (в случае этнокультурного смешения результат, как правило, тождествен субъекту, так как процесс обычно осуществляется над самим собой).

Рассмотрим далее модели, по которым строится внутренняя форма таких ксенопейоративов, — поначалу на примере обозначений для субъекта гибридизации:

— словослияние — 12: *chiegro* — Chinese + negro, *higger* — Hindu + negro, *indonigger* — Indian + negro, *wasian* — white + Asian, *wapanese* — white + Japanese, *weaner* — white + beaner ‘фасольник’ (мексиканец), *wegro* — white + negro, *wigger* — white + nigger вкпе с феминитивом *wiggerette*, *windian* — white + Indian, иногда — со вторичной дегуманизацией анималистического типа: *chigger* ‘клещ’ — Chinese + nigger;

— дегуманизационная алиментарного типа — 14: *cocoa puff* ‘хрустящий шоколадный шарик’ (при заливании таких шариков молоком молоко становится коричневым) — белая женщина, спящая с неграми или имеющая от них детей, *white chocolate* ‘белый шоколад’ — белый, ведущий себя как негр; в том числе с главной семьей «один цвет снаружи — другой цвет внутри»

(ср. рус. *редиска*) — 12: *apple* ‘яблоко’ — индеец, влившийся в «белую» культуру и ведущий себя как белый, *banana* ‘банан’ — азиат, аналогичным образом влившийся в «белую» культуру, *bruised banana* ‘помятый банан’ (при физическом воздействии эти фрукты обычно чернеют) — азиат, влившийся в «белую» культуру, но ведущий себя как негр, *peeled banana* ‘очищенный банан’ — американизированный азиат, который пытается вести себя как белый, *bounty bar* ‘батончик «баунти»’ — негр, ассимилированный «белой» культурой, *chocolate-covered marshmallow* ‘зефир в шоколаде’ — чернокожий, который ведёт себя как белый, *ding dong* ‘шоколадное пирожное «Динг-донг» со сливочной начинкой’ — чернокожий, который ведёт себя как белый, *egg* ‘яйцо’ — белый, ассимилированный азиатской культурой, *oreo* ‘печенье «орео»’ — чернокожий, который ведёт себя как белый, *reverse oreo* ‘«орео» наоборот’ — соответственно, белый, который ведёт себя как чернокожий, *pineapple* ‘ананас’ — негр, который ведёт себя как азиат или погружён в азиатскую культуру, *powdered donut* ‘пончик, присыпанный пудрой’ — белый, ассимилированный азиатской культурой;

— словослияние, осложнённое алиментарной дегуманизацией — 1: *bananate* (*banana* + *anime*) — азиат-неяпонец (например, филиппинец), погружённый в японскую культуру, особенно массовую;

— поведенческая модель, строящаяся по схеме «искатель, любитель, потребитель, властитель чего-то определённого цвета» или продукта, ассоциативно связанного с какой-либо культурой — 10: *coal-burner* ‘углежог’, *coal-hauler* ‘углевозка’, *nigger-digger* ‘копательница ниггеров’, *mud-skipper* ‘грязевая скакунья’, , *smoke-jumper* ‘дымная попрыгунья’, *snicker-licker* ‘лизунья «сникерсов»’ — белая женщина, предпочитающая чернокожих мужчин; *milkman* ‘молочник’ — негр, предпочитающих белых женщин; *rice-cracker* ‘рисохруст’, *rice-chaser* ‘преследователь риса’, *rice-king* ‘рисовый король’ — белый мужчина, предпочитающий азиаток; *potato-queen* ‘картофельная королева’ — азиатка, предпочитающая белых мужчин (при этом обычно при деньгах);

— языковая модель — 3: *bro-ho* — белая женщина, предпочитающая чернокожих мужчин (*bro* — стереотипное негритянское обращение, усечённое *brother*, *ho* — искажённое на манер афроамериканского произношения *whore* ‘шлюха’), *yo-boy/yo-girl* — белый юноша или девушка, подражающие чернокожим (в том числе и негритянскому стилю речи, где часто встречается междометие *yo*), *Seoul man* ‘сеульский мужик’ — кореец, подражающий чернокожим, в речи которых часто встречается обращение *man*;

— дегуманизационная модель анималистического типа с указанием среды обитания — 1: *mud shark* ‘грязевая акула’ — белая женщина, предпочитающая чернокожих мужчин (которые здесь тоже подвергаются косвенной скатологической дегуманизации — сравнению с грязью);

– дегуманизационная модель предметного типа – 1: *snowflake* ‘снежинка’ – белая женщина, встречающаяся с чернокожими;

– аббревиатура (акроним) со вторично возникшей анималистической дегуманизацией – 1: *swan* (SWAN – *slut with a nigger* ‘потаскуха [которая гуляет] с ниггером’) ‘лебедь’ – белая женщина, встречающаяся с чернокожими по крайней мере, так утверждается на сайте; по нашим подозрениям, изначально было уподобление птице по признаку цвета, расшифровка же возникла постфактум – ср., например, широко распространённое наивно-этимологическое толкование жаргонизма *лох* как «лицо, обманутое хулиганами»);

– историко-прецедентная модель, осложнённая косвенной анималистической дегуманизацией – 1: *jane goodall* – белая девушка, которая предпочитает чернокожих; источник наименования – Джейн Гудолл, британский приматолог, этолог и антрополог, много лет изучавшая общественное поведение и интеллект диких шимпанзе способом включённого наблюдения, то есть фактически став членом стаи; любопытно, что расчеловечиванию здесь подвергается не сам субъект, но те, с кем он вступает в отношения;

– недифференцированные – 2: заимствование – 1 (*otaku* – неапонец, погружённый в японскую массовую культуру) и спонтанный неологизм – 1 (*weeaboо* с тем же значением); последний связан с конкретным эпизодом: на анонимной имиджборде 4chan.org был установлен вордфилтёр, автоматически заменяющий КП *waranese* на бессмысленное слово *weeaboо*, изобретённое художником-комиксистом Николасом Гуревичем; слово это, тем не менее, было подхвачено посетителями сайта и со временем стало употребляться наравне с предметом замены и в том же значении – по-видимому, немалую роль здесь сыграла именно чужеродность, а также некоторая комичность его звукового и графического облика.

В отношении результата смешения употребляются ксенопейоративы, образованные по следующим моделям:

– словослияние, иконическая демонстрация соединения двух рас либо этносов путём телескопирования их наименований (нейтральных либо и так уже пейоративных) – 66: *bink* (*black + chink*) – афрокитаец, *blaxican* (*black + Mexican*) – афромексиканец, *Greekarican* (*Greek + American*) – греко-американец, *Jewban/Juban* (*Jew + Cuban*) – еврее-кубинец и т.д.; иногда – со вторично возникшей дегуманизацией анималистического: *czigger* (*Czech + nigger* – афрочех), *chigger* (*Chinese + nigger* – афрокитаец) – [ʧigʂ] ‘клещ’, *jigger* (*Jew + nigger*) ‘песчаная блоха’ – афроеврей, *roo* (*Russian + Jew*) ‘кенгуру’ – русский еврей, *tiger* (*Thai + nigger*) ‘тигр’ – афротаец; алиментарного: *chop* (*Chinese/chink + wop*) ‘отбивная’ – итало-китаец и скатологического типа: *puke* (*Polish + Ukrainian*) ‘блевотина’ – украино-поляк, *srew* (*spic + Jew*) ‘рвота’ – испано-еврей; это самая массовая и продуктивная модель, поскольку иконична, универсальна и не требует от говорящего особой фантазии;

– ассоциация с двуцветным животным (анималистическая дегуманизация) или неодушевлённым предметом (предметная дегуманизация) – 8: *bumblebee* ‘шмель’ – афро-азиат, *domino* ‘домино’, *skunk* ‘скунс’ (с добавочной коннотацией неприятного запаха), *pinto* ‘пегая лошадь’, *latte* ‘латте (кофе с молоком)’, *Milano* ‘печенье «милано»’, *newspaper* ‘газета’ (т.е. чёрный текст на белой бумаге), *zebra* ‘зебра’ – мулат;

– алиментарная дегуманизация по схеме «один стереотипный продукт питания» + «другой стереотипный продукт питания», либо каким-то образом действующая пищевой компонент – 6: *beaner-schnitzel* ‘шницель с фасолью’ – германо-латиноамериканец, *cheese-nip* ‘острота сыра’ – евро-японец (*nip* здесь по созвучию с *Nippon*), *eggplant-parmesan* ‘пармезан с баклажаном’ – афро-итальянец, *pizzabagel* ‘пицца-бублик’ – итало-еврей, *rasta-fazoul* ‘раста-фазуль (вид пасты)’ – итало-ямаец, *won-ton-parmesan* – итало-азиат;

– эксплицитное указание на статус полукровки (с присутствием компонента *half* ‘половина’) – 6: *half-baked* ‘полупропечённый’, *half-breed* ‘полукровка’, *half-cast* ‘полуотлитый’, *halffrican* (*half* + *African*), *halfro* (*halffrican* в сочетании с усечением и пейоративным суффиксом –*o*), *halfula* (вторая часть трудно поддаётся интерпретации; скорее всего, недифференцированный пейоративный суффикс –*ola* в альтернативном написании: ср. *cashola* ‘деньжонки’ от *cash*, *crapola* ‘дерьмо, дрянь, нечто низкого качества’ от *crap*, *hideola* ‘образина, страшилище’ от *hideous*) – по большей части означают человека, наполовину относящегося к негроидной расе;

– ономастическая модель, стереотипная форма фамилии одного из этносов + содержательная часть другой – 5: *McChigger* – смесь ирландской, китайской и афроамериканской крови, *McKraut* – германо-ирландец (употреблено, например, в трилогии «Крёстный отец»), *McSpic* – испано- или латиноамерикано-ирландец, *McWop* – итало-ирландец, *Wopski* – итало-поляк;

– аббревиация по первым буквам исходных этносов – 4: *CJ* [*si dʒei*] (*Chinese Jew* – ‘китайский еврей’) – человек, родившийся от еврейско-китайского союза; *ABCD* (от *American-born confused Desi* – ‘сбитый с толку выходец с Индийского субконтинента, родившийся в США’; «сбитый с толку» здесь подразумевает отсутствие представления о том, где его настоящая родина и о том, к какой культуре он принадлежит); *BBC* [*bi bi si*] (от *British-born Chinese* ‘китаец, рожденный в Великобритании’) – ребёнок иммигрантов из Китая, выросший среди европейских культурных ценностей и полностью либо частично утративший связь с историческим наследием своей страны; *BBCD* [*bi bi si di*] (аналогичным образом от *British-born confused Desi* – ‘сбитый с толку пакистанец, родившийся в Британии’) – ребёнок эмигрантов из Пакистана (подробнее см. Цебровская 2020);

– дегуманизационная анималистического либо алиментарного типа с главным компонентом «смесь» – 4: *mongrel* ‘помесь, ублюдок’, *mutt* ‘дворняга,

беспородный пёс', Heinz 'кетчуп «хайнц»' (аллюзия на рекламный слоган о том, что у данного кетчупа существует 57 разновидностей), *soup* 'суп' (ср. рус. *сборная солянка*); эти КП не имеют конкретного референта и просто указывают на сам факт гибридизации сразу многих идентичностей, подразумевая, что изначальное происхождение в этом случае установить уже невозможно;

— дегуманизационная алиментарного либо предметного типа с главным компонентом «непонятого цвета» — 1: *mud* 'грязь' — мулат;

— поведенческая с эксплицитным указанием на предательство — 1: *race-traitor* 'предатель расы' — тоже без конкретного референта.

Помимо перечисленных, также некоторое количество изначально нейтральных терминов, вроде *mulatto*, *octoroon* или *zambo*, ставших пейоративными в силу исторических причин — их внутренняя форма ничего сообщить не может. Бросается в глаза обилие пищевых метафор. О.С. Якушенкова отмечает, что пищевые привычки чужака всегда вызывают немалый интерес, так как его «алиментарные образы» — это новые, нерастроченные пищевые ресурсы. «Познавая Чужого, мы совершаем акт алиментарной трансгрессии, стремясь символически отобрать его еду у него», — считает исследовательница (Якушенкова, 2014, с. 12). Подоплёка алиментарных ксенопейоративов (таких как рус. *шпрот*, *урюк*, *укрон*) через призму постколониальной теории выглядит как желание потреть самого «чужого», низвести его до уровня еды. «Доместифицированный Чужой, вписанный в свою культуру, — метафорически приготовленный Чужой» — его «алиментарная апроприация» (собственно, именно такой термин и применяется в современном постколониальном дискурсе) осмысливается как средство избавления от страха самим быть потреблёнными этим самым «чужим» (и здесь как раз уместно будет вспомнить К. Леви-Стросса с его оппозицией «сырого и варёного» — см. Леви-Стросс 2006).

В русском языке нам удалось обнаружить лишь 16 ксенопейоративов подобного рода. Отчасти это обусловлено тем, что в русскоязычном сегменте интернета не существует единой базы данных ксенопейоративов, подобной *rsdb.org*, так что лексику соответствующего поля пришлось искать в составе словарей неформального регистра и просто эмпирическим путём — в разных уголках Сети.

В результате для субъекта гибридизации идентичности выявлены следующие модели:

— ономастическая (*наташка*), осложнённая подражанием акценту (*натаща*); так называют русских и шире — славянских девушек, вступающих в отношения с представителями «южных» народов, главным образом — кавказцев, турок и арабов;

— содержащая сему цвета и «вместилище чего-то» (*чернильница*) — впрочем, дегуманизация здесь под вопросом (по внутренней форме *черниль-*

ница может быть как названием предмета — ёмкости для чернил, так и омонимичным ему именем деятеля, который примешивает к роду «чёрную кровь»); сюда же примыкает более-менее устойчивые словосочетания *хачёвская подстилка*, *подстилка для черномазых*;

— языковая: ономастическая (вышеупомянутый КП *натаца*), а также фонетическая — *гусский* (еврей, выдающий себя за русского; зачастую в контексте цитаты из фильма А.О. Балабанова «Брат-2», которая вся записывается с утрированным картавым выговором: «Мы, гусские, не обманываем дзуг дзуга»);

— языковая, осложнённая дегуманизацией алиментарного типа — 1: *порридж* — многослойный пейоратив, сочетающий семы юного возраста (типичный *порридж* принадлежит к поколению Z) и «низкопоклонства перед Западом» (для типичного *порриджа* характерно избыточное употребление англицизмов и мнение о безусловном превосходстве всего западного над отечественным); обладает прецедентной природой — имеет в основе картинку (интернет-мем): стереотипный зумер с бритыми висками и в круглых очках с отвращением глядит на изображение тарелки овсяной каши с малиной с соответствующей подписью, но восторженно открывает рот при виде той же каши, подписанной «овсяный порридж с малиной»; аналогичных мемов, высмеивающих чрезмерную любовь современной молодёжи к англицизмам и зарубежной культуре вообще, в Рунете циркулирует много (скажем, автору этих строк попадались пары *огород — плэнтспейс*, *коммуналка — коливинг*, *макарроны по-флотски — макаронис бай нави*, *шашлык под водку — якитори под сакэ*), но прижился именно *порридж* — вероятно, благодаря забавности звучания самого слова для русского уха;

— историко-прецедентная модель — 2: *манкурт* (заимствование из киргизского языка, причём из конкретного литературного источника — романа Чингиза Айтматова «И дольше века длится день») — раб, лишённый памяти и не помнящий своего прошлого: «манкурт не знал, кто он, откуда родом-племенем, не ведал своего имени, не помнил детства, отца и матери — одним словом, манкурт не осознавал себя человеческим существом» (Айтматов, 1981); подразумевается, что *манкурт* не чтит и не знает традиций, не уважает родной язык, ориентирован на чужую культуру и чужое самосознание; также может быть отнесён к историко-прецедентным и КП *общечеловек* (с эксплицитно выраженной семой отсутствия принадлежности к конкретной этнокультуре) — у него почтенная история, поскольку изобретён он был ещё Ф.М. Достоевским; по его определению, «общечеловек» — особый тип русского человека, появившийся после реформ Петра I; в отличие от англичан, немцев, французов, которые сохраняют свою национальность, русский «общечеловек» стремится быть кем угодно, только не русским (Захаров, 2013), широкое же распространение получил, начиная со времён перестройки, когда словосочетание «общечеловеческие ценности» тоже превратилось в своего рода идеоло-

гическое клише; используется по отношению к приверженцу этих ценностей — в противовес ценностям «кров и почвы» (иногда означает именно либерала, но политические пейоративы в настоящем исследовании всё же решено было оставить за скобками);

— приставочная модель, эксплицитно передающая сему отлучения от «своей» группы — 1: *вырусь* (по аналогии с *нерусь* — человек, добровольно отказавшийся от русской идентичности либо исключённый («выписанный») из неё за какой-либо неблагоприятный поступок (таким неблагоприятным поступком, по мнению субъекта речи, может оказаться, например, близкое телесное общение с представителями «чужой» этнической группы);

— наконец, недифференцированная модель представлена тремя прямыми заимствованиями: *виабу*, *виггер*, *оаку*.

Пейоративов, относящихся к результату смешения, удалось обнаружить всего четыре, при этом все они относятся к историко-прецедентной модели. 3 из них представлены фразеологическими сочетаниями: *дитя фестиваля* (чаще мн. — *дети фестиваля*). Имеет отношение к конкретному событию — VI всемирному фестивалю молодёжи и студентов, состоявшемуся в Москве в 1957 году. Приезжие из африканских, азиатских и латиноамериканских стран вступали в отношения с местными (чаще всего — юноши с местными девушками), после чего уезжали на родину, оставляя потомство, поэтому данный КП осложнён добавочным компонентом «безотцовщина, из неполной семьи». Сюда же примыкают КП *дитя (Патриса) Лумумбы* (отсылка к старому названию Российского университета дружбы народов, в котором учились выходцы из дальнего зарубежья) и *дитя Олимпиады* (Гусейнов, 2003). Ещё один представитель историко-прецедентной модели — сложносокращённая лексема *новион* — употребляется главным образом в правонационалистических кругах, озабоченных вопросами расовой чистоты и происходит от стяжения идеологического клише «новая историческая общность», т. е. советский народ. Иногда с этой импликацией употребляется *россиянин* (иногда в эрративной форме — *расиянин*) — в противовес *русскому*, но в этом случае сема гибридной идентичности кажется довольно размытой.

Выводы

Прежде всего, исследование показывает явную диспропорцию в представленности «выход за пределы границ этнокультурной и этнорасовой идентичности» в английском и русском языках. В последнем случае субъект, совершающий трансгрессию, подвергается гораздо меньшему количеству инвективных ярлыков, результат — практически не подвергается (исключения — *дитя фестиваля* и *новион*). Похоже, в русской культуре за пределами узких праворадикальных групп не так резко осуждается данная модель поведения и сам концепт этнического, расового и культурного смешения. Возможно, дело

просто в том, что на территории России / СССР не создано настолько мультикультурной мозаики, как на территории США, Канады, Австралии и Новой Зеландии — странах иммигрантов, где смешивались буквально все расы и этносы мира, — чтобы гибридная идентичность стала сколько-нибудь значимым явлением. Возможно, напротив, причина в том, что при очевидном многонациональном характере России / СССР в сравнении со странами англоязычного мира оказалась слабо выражена тенденция к геттоизации и формированию более-менее закрытых этнокультурных территориальных общин (в социально-экономические корни чего здесь вдаваться не будем), отчего границы идентичности на территории постсоветского пространства мыслятся как более проницаемые.

В прямой связи с этим в английском насчитывается явно больше моделей, по которым строятся подобные КП. Из них наиболее широко и продуктивно применяется словослияние, иконически указывающее на факт гибридизации, а кроме того — уподобление референта двуцветным животным и предметам (чаще всего — продуктам питания), а также поведенческая модель с добавочной семой определённого цвета, тогда как в русском используется дегуманизация, языковая, ономастическая и историко-прецедентная модель, а также имеется некоторое количество уничижительно маркированных лексем, напрямую заимствованных из английского, что доказывает некоторую необычность самого анализируемого явления для русского языка и картины мира его носителя. Всё же некоторые точки пересечения отследить удаётся: в обеих языковых картинах мира наблюдается расчеловечивание алиментарного типа (см. приведённое ранее рассуждение О.С. Якушковой о алиментарных образах «чужого») и внимание к языковым особенностям субъекта трансгрессии, перенимаемым у чужака (роль языка как одного из столпов этнокультурной идентичности не нуждается в обосновании).

Относительно корней вышеуказанной диспропорции, впрочем, надо отметить следующее: в русскоязычном дискурсе осуждение этнокультурной метисации исходит в основном со стороны националистической и почвеннической мысли, в англоязычных же странах Запада по субъектам этнокультурной гибридизации ведётся «перекрестный огонь»: с одной стороны они осуждаются, как и в России / бывшем СССР, носителями право-фундаменталистских идей, с другой же — представителями леволиберального крыла, оперирующими концепцией культурного присвоения (культурной апроприации, англ. *cultural appropriation*), что уходит корнями в упомянутую выше постколониальную теорию. Как пишет В.В. Савинова, «осуждение апроприации исходит из примордиалистских установок, подразумевающих, что культура — это то, с чем человек родился. Игнорирование гибридных идентичностей ведёт к разрушению демократических ценностей, а также противоречит идеям толерантности, инклюзивности и мультикультурализма» (Савинова, 2021, с. 90); способ мысли антиапроприационистов являет собой зеркальное отражение

ультраконсервативных понятий о расовой и культурной чистоте. Концепция культурной апроприации наносит удар по межнациональному и межкультурному взаимодействию, продвигает изоляционистский взгляд на мир, не допускающий смешения культур, и, таким образом, на новом витке диалектической спирали возрождает воззрения Гобино и Лебона. Это же касается и самих метисов: если национал-консервативный дискурс стигматизирует носителей гибридной идентичности как ущербных, испорченных, неполноценных представителей «своего» этноса, расы либо культуры, то «прогрессивный» дискурс (пусть он и декларирует отказ от «языка ненависти» и шовинистически-ксенофобских ярлыков) заставляет их испытывать чувство вины за собственных «привилегированных» предков, совершивших акт сексуальной апроприации в отношении угнетённой группы. На наш взгляд, и то и другое равным образом отрицательно сказывается на самовосприятии метиса и осложняет его социальную адаптацию.

По нашему мнению, виной всему — примордиалистическое понимание этноса и культуры как врождённых и намертво спаянных друг с другом категорий, а также склонность к однозначности и стереотипичности мышления. Гибридные идентичности не вписываются в стройную картину мира, подрывают образ границы «своего» и «чужого» как чего-то неизбежного и непроницаемого, разрушают привычные представления и ожидания, ломают устойчивые стереотипы, или, говоря словами А.П. Романовой, Е.В. Хлыщёвой и С.Н. Якушенкова, подрывают «традиционные формы этнокультурной идентичности, ставят под сомнение субъективное ощущение идентичности, сформированной в рамках прежней традиции» (Романова, Хлыщёва & Якушенков 2013, с. 15), — а потому вызывают когнитивный диссонанс, ресентимент и желание выплеснуть этот ресентимент путём употребления ксенопейоратива. Несоответствие формы ожидаемому содержанию трактуется как злонамеренный обман, как осознанное предательство собственной самобытности (англ. *race-traitor*) либо как желание присвоить себе элемент чужой идентичности, не имея на это какого-либо врождённого права. Определённую роль здесь играет жёсткий бинаризм обыденного сознания, его нетерпимость к половинчатости и полутонам — наполовину «своей» идентичность быть не может и при любой форме трансгрессии автоматически переходит в разряд «чужих» (наиболее ярко эта сема выражается в русском КП *вырусь*).

Мы считаем, что дальнейшее изучение вопросов гибридной идентичности и их места в картине мира разных культур имеет большое значение для социогуманитарных наук, а также выражаем надежду, что понимание природы связанного с этим феноменом когнитивного диссонанса и вызванного им раздражения может существенно помочь с разрешением текущих и грядущих межкультурных и межэтнических конфликтов.

Список литературы

- Oxford Advanced American Dictionary. (n. d.).
https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/race_1
- The Racial Slur Database. (n. d.). <http://www.rsdb.org/>
- Айтматов, Ч. Т. (1981). *Буранный полустанок: И дольше века длится день*. Роман-газета.
- Батай, Ж. (2003). *Запрет и трансгрессия* (Е. Герасимова, Пер.). <http://vispir.narod.ru/bataj2.htm>
- Гобино, Ж. А. (1881). *Опыт о неравенстве человеческих рас*.
<https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%93/gobino-zhozef-artjur-de/opit-o-neravenstve-chelovecheskih-ras>
- Гусейнов, Г. Ч. (2003). *Материалы к русскому словарю общественно-политического языка XX века: Т. 1: ДСП. Три квадрата*.
- Данильченко-Данилевская, В. Я. (2008). Приложение: Семейная хроника рода Николая Яковлевича Данилевского. В О. Платонов (Ред.), *Россия и Европа* (с. 715–727). Институт русской цивилизации.
- Елистратов, В. С. (б. д.). *Толковый словарь русского арго*. Gufo.me.
https://gufo.me/dict/russian_argot
- Ефремова, Т. Ф. (б. д.). *Толковый словарь русского языка*. Gufo.me.
<https://gufo.me/dict/efremova/%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%B0>
- Захаров, В. Н. (2013). *Художественная антропология Достоевского. Проблемы исторической поэтики*, 11, 150–164.
- Кузнецов, Ю. В. (2011). Исторические судьбы России в учении Н.Я. Данилевского о культурно-исторических типах. *Вестник Мурманского государственного технического университета*, 14(2), 347–352.
- Леви-Стросс, К. (2006). *Мифологии: Сырое и приготовленное*. ИД «Флюид».
- Лысенко, В. Г. (2009). Познание чужого как способ самопознания: Запад, Индия, Россия (попытка ксенологии). *Вопросы философии*, 11, 61–77.
- Мичурин, В. А., & Гумилёв, Л. Н. (1993). Словарь понятий и терминов теории этногенеза Л.Н. Гумилёва. В *Этносфера: История людей и история природы* (с. 493–542). Экопрос.
- Потебня, А. А. (1989). Мысль и язык. В *Слово и миф* (с. 17–200). Правда.
- Романова, А. П., Хлыщева, Е. В., Якушенков, С. Н., & Топчиев, М. С. (2013). *Чужой и культурная безопасность*. РОССПЭН.
- Савинова, В. В. (2021). *Проблема культурной апроприации в современном мире (конец 1970-х–Начало 2020-х гг.)*.
<https://nauchkor.ru/uploads/documents/60eb0818e4dde500016d351d.pdf>
- Словари сленгов неформалов. (б. д.). <https://slang.su/>
- Тлостанова, М. В. (2006). Транскультурация как новая эпистема эпохи глобализации. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*, 2, 5–16.

- Усовская, Э. А. (2020). Исследования культурной гибридации в постмодерне. В *Актуальные проблемы гуманитарного образования: Материалы VII Международной научно-практической конференции*, Минск, 22–23 окт. 2020 г. (с. 46–51). БГУ.
- Фуко, М. (1996). *Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. Касталь.
- Цебровская, Т. А. (2017). Этноцентризм и расоцентризм в американской языковой картине мира. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*, 6, 110–113.
- Цебровская, Т. А. (2020). Компонентная специфика дерогативно маркированных этнонимов, образованных аббревиацией. *Балтийский гуманитарный журнал*, 9(2), 327–329. <https://doi.org/10.26140/bgz3-2020-0902-0080>
- Шевченко, О. М. (2013). Идеологическая идентичность и ксенофобия в эпоху советского модерна. *Социально-гуманитарные знания*, 11, 166–174.
- Якушенкова, О. С. (2014). *Образ чужого в гетеротопных пространствах фронта* [Диссертация на соискание учёной степени кандидата философских наук]. Астраханский государственный университет.

References

- Aitmatov, Ch. T. (1981). *The Buranny Railway Stop: The Day Lasts More Than a Hundred Years*. Roman-Gazeta. (In Russian).
- Bataille, J. (2003). *Prohibition and Transgression* (E. Gerasimova, Trans.). <http://vispir.narod.ru/bataj2.htm> (In Russian).
- Danilchenko-Danilevskaya, V. J. (2008). Appendix: Family chronicle of the family of Nikolai Yakovlevich Danilevsky. In O. Platonov (Ed.), *Russia and Europe* (pp. 715–727). Institute of Russian Civilization. (In Russian).
- Dictionary of youth slang. (n. d.). <https://slang.su/> (In Russian).
- Efremova, T. F. (n. d.). *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Gufo.me. <https://gufo.me/dict/efremova/%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%B0> (In Russian).
- Elistratov, V. S. (n. d.). *Explanatory Dictionary of Russian Argot*. Gufo.me. https://gufo.me/dict/russian_argot (In Russian).
- Foucault, M. (1996). *The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality. Works from different years*. Castal. (In Russian).
- Gobineau, J. A. (1881). *An Essay on the Inequality of the Human Races*. <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%93/gobino-zhozef-artyur-de/opit-o-neravenstve-chelovecheskih-ras> (In Russian).
- Guseinov, G. Ch. (2003). *Materials for the Russian Dictionary of Social and Political Language of the 20th Century: Vol. 1: DSP. Three squares..* (In Russian).
- Kuznetsov, Y. V. (2011). Historical Fate of Russia in Danilevsky's Teaching on Cultural and Historical Types. *Bulletin of Murmansk State Technical University*, 14(2), 347–352. (In Russian).
- Lévi-Strauss, C. (2006). *Mythologiques. Vol. 1: The Raw and the Cooked.*, Flyuid. (In Russian).

- Lysenko, V. G. (2009). Cognition of Alien as a Way of Self-Knowledge: West, India, Russia (An Attempt at Xenology). *Voprosy Filosofii*, 11, 61-77. (In Russian).
- Michurin, V. A., & Gumilev, L. N. (1993). Dictionary of Concepts and Terms of L.N. Gumilev's Theory of Ethnogenesis. In *Ethnosphere: History of People and History of Nature* (pp. 493-542). Ekopros. (In Russian).
- Oxford *Advanced American Dictionary*. (n. d.).
https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/race_1
- Potebnaya, A. A. (1989). Thought and Language. In *The Word and the Myth* (pp. 17-200). Pravda. (In Russian).
- Romanova, A. P., Khlysheva, E. V., Yakushenkov, S. N., & Topchiev, M. S. (2013). *Alien and Cultural Security*. ROSSPEN. (In Russian).
- Savinova, V. V. (2021). *The Problem of Cultural Appropriation in the Modern World (Late 1970s-Early 2020s)*. <https://nauchkor.ru/uploads/documents/60eb0818e4dde500016d351d.pdf> (In Russian).
- Shevchenko, O. M. (2013). Ideological Identity and Xenophobia in the Age of Soviet Modernity. *Socio-Humanitarian Knowledge*, 11, 166-174. (In Russian).
- The Racial Slur Database*. (n. d.). <http://www.rsd.org/>
- Tlostanova, M. V. (2006). Transculturation as a New Episteme of the Globalization Era. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy*, 2, 5-16. (In Russian).
- Tsebrovskaya, T. A. (2017). Ethnocentrism and Racocentrism in the American Language Picture of the World. *Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics*, 6, 110-113. (In Russian).
- Tsebrovskaya, T. A. (2020). Component Peculiarities of Derogatively Marked Ethnonyms Formed Via Abbreviation. *Baltic Humanitarian Journal*, 9(2), 327-329. <https://doi.org/10.26140/bg3-2020-0902-0080> (In Russian).
- Usovskaya, E. A. (2020). Studies of Cultural Hybridization in the Postmodern. In *Actual Problems of Humanitarian Education: Materials of the VII International Scientific-Practical Conference, Minsk, October 22-23, 2020*. 2020 z. (pp. 46-51). BSU. (In Russian).
- Yakushenkova, O. S. (2014). *The Image of the Alien in Heterotopic Frontier Spaces* [PhD Thesis]. Astrakhan State University. (In Russian).
- Zakharov, V. N. (2013). Dostoevsky's Artistic Anthropology. *Issues of Historical Poetics*, 11, 150-164. (In Russian).